

**ПИСЬМО ПОСТОЯННОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
ПРИ КОНФЕРЕНЦИИ ПО РАЗОРУЖЕНИЮ ОТ 13 ФЕВРАЛЯ 2006 ГОДА НА ИМЯ
ГЕНЕРАЛЬНОГО СЕКРЕТАРЯ КОНФЕРЕНЦИИ, ПРЕПРОВОЖДАЮЩЕЕ
ТЕКСТ РЕЧИ ПРЕЗИДЕНТА ФРАНЦУЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В ЛАНДИВИЗЬО-
ИЛЬ-ЛОНГЕ/БРЕСТ (ФИНИСТЕР) 19 ЯНВАРЯ 2006 ГОДА**

В ходе пленарного заседания Конференции по разоружению во вторник 7 февраля 2006 года я в своем выступлении представил содержание речи Президента Французской Республики от 19 января в Иль-Лонге, Бретань.

Имею честь просить Вас сообразоволиь распространить в качестве официального документа Конференции по разоружению текст речи Президента Французской Республики г-на Жака Ширака в Ландивизьо – Иль-Лонге/Брест (Финистер) в четверг, 19 января 2006 года, в ходе посещения им стратегических авиационных и океанических войск.

(подпись): Франсуа Ривассо
посол,
Постоянный представитель
Франции при Конференции
по разоружению

**Выступление Президента Французской Республики г-на Жака Ширака
в ходе посещения им стратегических авиационных и океанических войск
Ландивизьо – Иль-Лонг/Брест (Финистер)
(четверг, 19 января 2006 года)**

Госпожа министр,
дамы и господа парламентарии,
г-н начальник Генерального штаба Вооруженных сил,
г-да начальники штабов,
дамы и господа,

Мне поистине приятно оказаться сегодня среди вас, в Иль-Лонге. Я рад возможности встретиться с мужчинами и женщинами, военнослужащими и гражданскими работниками, которые принимают участие в свершении миссии, имеющей фундаментальное значение для нашей независимости и для нашей безопасности – ядерного сдерживания.

Создание национальных сил сдерживания стало для Франции истинным вызовом, подхватить который удалось только благодаря всеобщему подъему. Это потребовало мобилизации всей энергии, развития нашего исследовательского потенциала, нахождения новаторских решений всякого рода технических проблем. Тем самым ядерное сдерживание стало буквально олицетворением того, на что способна наша страна, когда она ставит перед собой ту или иную задачу и твердо стоит на этом.

И тут я хочу воздать должное исследователям и инженерам – из Комиссии по атомной энергии (КАЭ) и со всех французских предприятий, – которые позволяют нам всегда быть на высоте в таких жизненных сферах, как материаловедение, цифровое моделирование, лазеры, и в особенности лазеры мегаджоулевые, ядерные и космические технологии. Эту дань уважения я хочу адресовать и всем тем мужчинам и женщинам, которые так или иначе поддерживают наши ядерные силы: персоналу Главного управления МО по вооружениям (ГУВ), руководителям и работникам ассоциированных фирм и промышленных объединений, жандармерии по охране ядерных объектов и личному составу всех служб. Ну и, конечно же, мои мысли обращены прежде всего к экипажам океанических и авиационных соединений, которые постоянно, с крайней сдержанностью, выполняют весьма длительные и весьма важные операционные миссии. Я знаю, что я высоко поднял планку требований, но они соответствуют потребностям безопасности нашей страны. Я знаю, с какими ограничениями это сопряжено. О вас говорят редко, но я хочу приветствовать ваши исключительные качества и ваши

колоссальные достоинства. Самой же красноречивой похвалой является уже сама по себе перманентность сдерживания, которое замечательно обеспечивается вот уже как сорок лет.

Эту дань уважения я хочу адресовать и вашим семьям, и в особенности семьям экипажей подводных лодок. Я сознаю, с какого рода разлукой, одиночеством, а порой и страданиями связано боевое патрулирование.

Дамы и господа, эту миссию вы осуществляете в атмосфере постоянной эволюции.

Правда, с окончанием холодной войны мы уже не являемся объектом какой-то прямой угрозы со стороны той или иной крупной державы.

Но окончание биполярного мира не привело к исчезновению угроз миру. Во многих странах распространяются радикальные идеи с проповедью конфронтации цивилизаций, культур, религий. И сегодня эта жажда конфронтации оборачивается гнусными покушениями, которые то и дело напоминают нам, что фанатизм и нетерпимость ведут ко всякого рода безумствам. Ну а завтра они могут обрести и иные, еще более тяжкие формы, а быть может, и вовлечь государства.

Одним из наших приоритетов является борьба с терроризмом. Чтобы отреагировать на эту опасность, мы приняли большое число мер и распоряжений. И мы твердо и решительно продолжаем следовать по этому пути. Но не надо поддаваться искушению сводить всю проблематику обороны и безопасности к этой необходимой борьбе с терроризмом. Появление новой угрозы не означает, что она устраняет все другие.

Наш мир постоянно эволюционирует в поиске новых политических, экономических, демографических и военных балансов. Он характеризуется быстрым возникновением новых полюсов мощи. Он сталкивается с появлением новых источников дисбалансов: в частности, тут можно упомянуть раздел сырья, распределение природных ресурсов, эволюцию демографических балансов. А такая эволюция, особенно если она сопровождается подъемом национализма, могла бы генерировать нестабильность.

Разумеется, вовсе нет фатальной неизбежности на тот счет, что в близком будущем отношения между разными полюсами мощи погрязнут во враждебности. И вот, кстати, чтобы предотвратить эту опасность, нам и надо работать над установлением международного порядка, который был бы основан на примате права и коллективной безопасности, – порядка более справедливого и более репрезентативного. Нам также надо побуждать всех своих крупных партнеров делать выбор не в пользу конфронтации,

а в пользу сотрудничества. Но мы и не застрахованы ни от непредвиденной превратности международной системы, ни от стратегической внезапности. Так учит нас вся наша история.

Отмечен наш мир и возникновением притязаний на могущество, которые зиждутся на обладании ядерным, биологическим или химическим оружием. А отсюда у определенных государств и возникает искушение обзавестись ядерной мощью, да еще в нарушение договоров. Повсюду в мире множатся испытания баллистических ракет все большей дальности. И именно такая констатация побудила Совет Безопасности Организации Объединенных Наций признать, что распространение оружия массового уничтожения и средств его доставки представляет собой реальную угрозу международному миру и безопасности.

Наконец, не следует игнорировать и устойчивость более традиционных рисков региональной нестабильности. К сожалению, такого рода риски существуют в мире повсюду.

Дамы и господа, перед лицом кризисов, которые сотрясают мир, перед лицом новых угроз Франция всегда избирала прежде всего путь предотвращения. И оно, во всех его формах, остается фундаментальным стержнем нашей оборонной политики. Опираясь на право, влияние и солидарность, предотвращение пронизывает всю деятельность нашей дипломатии, которая непрестанно пытается распутывать кризисы, которые могут зарождаться то тут, то там. Оно также пронизывает весь арсенал диспозиций, имеющих отношение к сферам обороны и безопасности, среди которых на переднем плане стоят силы заблаговременного развертывания.

Но было бы ангельской наивностью считать, что одного лишь предотвращения достаточно для того, чтобы нас защитить. Чтобы нас слышали, нам надо также быть в состоянии, когда надо, употребить и силу. Таким образом, чтобы подкрепить и дополнить эту стратегию, нам надо располагать крупным потенциалом для того, чтобы оперировать обычными средствами за пределами своих границ. Такая оборонная политика зиждется на уверенности: что бы ни произошло, наши жизненные интересы будут гарантированы.

Вот какая роль отводится ядерному сдерживанию, и она укладывается в рамки прямого продолжения нашей стратегии предотвращения. Она являет собой ее высшее выражение.

Перед лицом тревог нынешних и неопределенностей грядущих ядерное сдерживание остается фундаментальной гарантией нашей безопасности. Откуда бы ни исходил нажим, оно также позволяет нам оставаться хозяином своих действий, своей политики, сохранности наших демократических ценностей.

В то же время мы по-прежнему поддерживаем международные усилия в пользу всеобщего и полного разоружения, и в особенности переговоры по договору о запрещении производства расщепляющихся материалов для ядерного оружия. Но продвигаться по пути разоружения мы можем только если будут сохранены условия для нашей глобальной безопасности и если будет единодушно разделяться наша воля к прогрессу.

Вот в этом духе Франция и сохраняет свои силы сдерживания, сократив их в соответствии с духом Договора о нераспространении и с соблюдением принципа строгой достаточности.

Постоянная оценка границы наших жизненных интересов составляет обязанность главы государства. Неопределенность этой границы органично сопрягается с доктриной сдерживания.

Сердцевину наших жизненных интересов всегда будет составлять неприкосновенность нашей территории, защита нашего населения, свободное осуществление нашего суверенитета. Но этим они вовсе не ограничиваются. Восприятие этих интересов эволюционирует по мере того, как эволюционирует мир, – мир, отмеченный ростом взаимозависимости европейских стран, а также эффектом глобализации. Например, к числу интересов, которые надлежит защищать, относится, среди прочего, гарантия наших стратегических поставок или оборона союзных стран. Президенту Республики надлежало бы оценивать масштабы и потенциальные последствия нетерпимого акта агрессии, угрозы или шантажа по отношению к этим интересам. Такой анализ мог бы в соответствующем случае привести к заключению, что они входят в сферу наших жизненных интересов.

Ядерное сдерживание, как я подчеркнул сразу же после террористических нападений от 11 сентября 2001 года, не рассчитано на то, чтобы сдерживать террористов-фанатиков. Вместе с тем руководители государств, которые прибегли бы к террористским средствам против нас, равно как и те, кто предусматривал бы применение так или иначе оружия массового уничтожения, должны понимать, что они подвергают себя твердому и соразмерному ответу с нашей стороны. И этот ответ может носить обычный характер. Но он может иметь и иную природу.

Со своих истоков сдерживание непрестанно адаптируется к нашей обстановке и к анализу угроз, которые я только что напомнил. Причем как по духу, так и по средствам. Мы в состоянии причинить всякого рода ущерб той или иной крупной державе, которая пожелала бы посягнуть на интересы, которые мы расценивали бы как жизненные. Против же региональной державы наш выбор не состоит в выборе между бездействием и уничтожением. Гибкость и реактивность наших стратегических сил позволяли бы нам производить свой ответ непосредственно по ее центрам власти, по ее дееспособности. И в этом духе и произведена конфигурация всех наших ядерных сил. Как раз с этой целью, например, было сокращено число ядерных боеголовок на определенных ракетах наших подводных лодок.

Но наша концепция применения ядерного оружия остается той же. Ни в коем случае не могло бы быть речи о применении ядерных средств в военных целях в ходе конфликта. И именно в этом духе ядерные силы порой квалифицируются как "неприменяемое оружие". Однако эта формула не должна вселять сомнений в нашей воле и нашей способности пустить в ход свое ядерное оружие. Убедительная угроза его применения постоянно тяготеет над руководителями, вынашивающими враждебные намерения по отношению к нам. Она, собственно, призвана образумить их, заставить их осознать, какими непомерными издержками обернулись бы их действия для них самих и для их государств. К тому же, само собой разумеется, мы неизменно оставляем за собой право прибегнуть к крайнему предупреждению в знак своей решимости защитить наши жизненные интересы.

Таким образом, принципы, лежащие в основе нашей доктрины сдерживания, не претерпели изменений. Но чтобы позволить нам учитывать контекст XXI века, эволюционировали и продолжают эволюционировать способы ее выражения.

Постоянно адаптируясь к своим новым миссиям, средства, реализуемые океаническими и авиационными соединениями, позволяют давать связный ответ на наши озабоченности. Благодаря этим двум соединениям, разным и взаимодополняемым, глава государства располагает множеством вариантов, охватывающих все идентифицируемые угрозы.

Таким образом, вполне необходима модернизация и адаптация этих потенциалов. Наше сдерживание должно сохранять свою неприменную убедительность в эволюционирующей географической среде.

Было бы безответственно воображать, что в конце концов было бы достаточно поддерживать наш нынешний арсенал. Ну а что стало бы с убедительностью нашего сдерживания, если бы оно не позволяло нам реагировать на новые ситуации? Какую убедительность имели бы мы в глазах региональных держав, если бы мы сугубо ограничивались угрозой тотального уничтожения? Какой убедительностью обладало бы в будущем баллистическое оружие, чья дальность действия носила бы ограниченный характер? Так, баллистическая ракета М-51, благодаря своей межконтинентальной дальности, и улучшенная ракетная система средней дальности "воздух-земля" (ASMPA) дают нам, в неопределенном мире, средства для отражения угроз, откуда бы они ни исходили и какими бы они ни были.

Точно так же никто не может утверждать, что противоракетной обороны достаточно для отражения угрозы баллистических ракет. Никакая оборонительная система, сколь угодно изощренная, не может быть эффективной на 100 процентов. У нас никогда не будет уверенности в том, что ее нельзя обойти. Основывать нашу оборону на одном этом потенциале значило бы на деле побуждать наших противников найти иные способы к тому, чтобы пустить в ход свое ядерное, химическое или бактериологическое оружие. Так что такой инструмент нельзя рассматривать как субститут сдерживания. Но он может дополнять последнее за счет уменьшения факторов нашей уязвимости. Вот почему Франция решительно включилась в общие размышления в рамках Атлантического союза и развивает свою собственную программу самозащиты развернутых сил.

Безопасность нашей страны и ее независимости обходится недаром. Сорок лет назад доля инвестиций Министерства обороны, выделяемых на ядерные силы, составляла 50 процентов. С тех пор эта доля неуклонно сокращалась и в 2008 году должна составить лишь 18 процентов инвестиций. Сегодня в духе отличающей ее строгой достаточности наша политика сдерживания составляет в общей сложности менее 10 процентов всего оборонного бюджета. Оборонные ассигнования на нее касаются передовой технологии и обеспечивают обширную и ключевую поддержку усилий нашей страны в сфере научных, технологических и промышленных исследований.

10 процентов наших оборонных ассигнований – это справедливая и достаточная плата за то, чтобы дать нашей стране убедительную и долгосрочную гарантию безопасности. И я вам скажу: ставить ее под сомнение было бы совершенно безответственно.

Кроме того, развитие Европейской политики безопасности и обороны, все большее переплетение интересов стран Европейского союза, солидарность, которая отныне существует между ними, ведут к тому, что французское ядерное сдерживание, уже только

в силу своего существования, является необходимым элементом безопасности европейского континента. В 1995 году Франция, чтобы стимулировать европейские размышления на этот счет, выдвинула величественную идею согласованного сдерживания. И я по-прежнему убежден, что со временем нам надо будет задаться вопросом об общей обороне, которая принимала бы в расчет существующие силы сдерживания, в перспективе сильной Европы, ответственной за свою безопасность. Впрочем, страны Союза уже начали совместно размышлять над тем, в чем состоят или будут состоять их общие интересы безопасности. И мне хотелось бы, чтобы эти размышления углублялись: в этом состоит первый и необходимый этап.

Дамы и господа, с 1964 года Франция располагает автономным ядерным сдерживанием. Именно уроки истории побудили генерала де Голля сделать этот кардинальный выбор. Все эти годы французские ядерные силы обеспечивают оборону нашей страны и вносят значительный вклад в сохранение мира. И они и сегодня продолжают нести свою молчаливую вахту, чтобы мы могли жить в стране свободы – хозяйке своего будущего и хозяйке своей судьбы. И сейчас и впредь они есть и будут высшим гарантом нашей безопасности.

В качестве главы Вооруженных сил и от имени французских женщин и мужчин я хочу выразить признательность и благодарность нации всем тем женщинам и мужчинам, которые способствуют этой жизненной миссии.

Спасибо.
